

Наша Школа

вопросы образования в популярной форме для детей и взрослых

№8
2010

Мы сегодня находимся в точке бифуркации развития. А его вариантов по сути два: либо стать обществом знаний, формирующим архитектуру мирового пространства, задающим вектор существования цивилизации, либо стать обслуживающим персоналом экономик, интеллектуальный потенциал которых будет превосходить наш.

Ю. Лешков

Проиллюстрировала Мария Ковтун

В. Байнев,
доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента
Белорусского государственного университета,
председатель редколлегии журнала
«Новая экономика» (г. Минск)

Нравственная экономика

Неоиндустриализация — прорывной интеграционный проект Союзного государства России и Беларуси

Проблемы союзного строительства, явно обозначившие себя в последнее время, свидетельствуют, что на пути жизненно важных для всех нас интеграционных процессов имеются серьезные препятствия. Думается, что глубинные причины этих трудностей и проблем следует искать прежде всего в мировоззренческой плоскости.

<...>

Имеются все основания считать, что главные трудности построения Союзного государства и интеграции в рамках ЕврАзЭС и СНГ во многом обусловлены тем, что постсоветские страны ориентированы на либерально-рыночную, конкурентную, состязательную, частнокапиталистическую доктрину развития. Очевидно, что подобная система ценностей до предела дезинтегрирует, «атомизирует» экономику и общество, ибо заставляет нас видеть друг в друге как минимум конкурентов, которых по объективным законам рыночного капитализма всемерно ослабляют, а затем подчиняют, поглощают, уничтожают. Тут уж, как говорится, не до братского единения народов! Вполне закономерно, что естественная для условий либерально-

рыночной экономики конкуренция как «война всех со всеми» время от времени перерастает в ставшие уже привычными газовые, нефтяные, молочные, сахарные и т.д., а иногда даже и полноценные «горячие» войны между некогда братскими странами и народами.

Следует пояснить, что классическая либерально-рыночная, конкурентная доктрина развития, обеспечивавшая процветание нынешних лидеров мировой экономики примерно до середины прошлого века и ныне принятая в ряде стран бывшего СССР, сегодня быстро теряет свою актуальность, уходит в прошлое. Ей на смену уверенно приходит интеграционная система ценностей, ориентирующая не на состязательность и конкуренцию, а на кооперацию и интеграцию экономических систем всех уровней.

Последнее утверждение легко доказать на примере современных технологически развитых стран. Так, на уровне конкретных фирм и предприятий интеграционный эффект реализуется в виде беспрецедентного роста концентрации капитала и прибыли под контролем крупных и сверхкрупных фирм. В частности, на протяжении

последних десятилетий США, Великобритания, Япония, Франция и т.д. демонстрируют быстрый рост и усиление монопольной власти своих транснациональных корпораций (ТНК), реализующих вертикальную и горизонтальную интеграцию производственных процессов. В отличие от лукаво навязываемых периферийным странам представлений о конкуренции, малом и среднем бизнесе как «локомотивах» инноваций, лидеры мировой экономики сделали ставку именно на крупные и сверхкрупные компании, в то время как роль малых и средних предприятий, как раз наоборот, быстро падает.

В итоге нынешнее экономическое могущество и монопольная сила западных мегафирм буквально завораживают. По оценкам специалистов, из 100 крупнейших субъектов хозяйствования мира — стран и компаний — не менее 29 являются крупными западными фирмами наряду с такими мощными экономическими системами, как национальная экономика США, Японии, Германии, Китая и т.д.

<...>

В целом же под контролем западных ТНК находится до 50% мирового промышленного производства, до 65% международной торговли, около 80% мирового банка открытий, патентов, лицензий и технологий. Таким образом, уже сегодня подлинным «движителем» инноваций и экономического развития в целом является монополизм сверхкрупных фирм, а отнюдь не конкуренция малых и средних предприятий.

Однако монополизация отраслевых, национальных и мирового рынков на этом не остановилась. По прогнозам западных специалистов, в условиях грядущей глобальной экономики установится господство всего лишь 300–600 ТНК, причём около 300 корпораций будут создавать 75% (!) валового продукта мира. На фоне описанной тенденции, когда глобальная экономическая власть быстро централизуется, сосредотачиваясь в руках всё более и более узкого круга физических лиц, вести речь о рынке, конкуренции, конкурентной среде, малом предпринимательстве и прочих рудиментах либерально-рыночной экономики позапрошлого века могут либо наивные чудаки, либо лица, заинтересованные в подчинении наших стран западным ТНК.

На уровне национальной экономики интеграционный эффект реализуется благодаря быстрому усилению роли государства — этого системно интегрирующего экономику и общество института. Так, анализ бюджетной политики ведущих держав мира за последние 125 лет убеждает, что удельный вес государственных расходов в их ВВП неуклонно растёт. В частности, с 1870 по 1996 год эта доля в наиболее развитых державах мира выросла в среднем в 4,4 раза и составляет сейчас от 33,3% в США до 64,7% в Швеции. В связи с антикризисными мерами, предпринимаемыми правительствами большинства стран мира в последние годы, включая многомиллиардные вливания в экономику и национализацию крупнейших предприятий и банков, такая тенденция ещё больше усилилась. К сожалению, во многих странах ЕврАзЭС и СНГ (за исключением Беларуси) анализируемый показатель планомерно снижался на протяжении последних полутора-двух десятилетий, и сегодня он существенно ниже, чем в большинстве стран даже с так называемой «либерально-рыночной экономикой».

И наконец, на глобальном уровне интеграционный эффект достигается за счёт того, что технологически развитые страны активно объединяются в рамках мощных интеграционных группировок типа ЕС, G7, ОЭСР, НАТО и др. По оценкам известного белорусского экономиста профессора С.А. Пелиха, за счёт одного единения в рамках Евросоюза обеспечен совокупный интеграционный эффект в размере 100 млрд. евро в год, что существенно повысило глобальную конкурентоспособность унии и каждого из её членов.

Таким образом, нам пора бы уже и осознать, что принятая к реализации в большинстве стран бывшего СССР дезинтегрирующая либеральная, конкурентно-рыночная модель экономического развития и соответствующее ей мировоззрение являются непреодолимыми препятствиями на пути объединительных процессов в регионе. Более того, они наносят невосполнимый ущерб глобальной конкурентоспособности наших стран, ибо являются устаревшей, не соответствующей современным реалиям и потому давно отвергнутой технологически развитыми странами системой экономических воззрений.

Другим практическим подтверждением данного вывода служат негативные процессы, развернувшиеся в странах бывшего СССР по мере их либерально-рыночного «оздоровления».

В числе таких разрушительных явлений:

1). Беспрецедентное для условий мирного времени снижение научно-технического и инновационного потенциала. Это выразилось, например, в 2–5-кратном снижении наукоёмкости ВВП стран СНГ до нынешних 0,3–1,2%, что существенно ниже оптимального (3%) и порогового (2%) уровней. Поэтому вполне закономерно, что Россия сдала свои позиции на мировом рынке наукоёмкой и высокотехнологичной продукции другим странам, осуществляющим более дальновидную экономическую политику.

2). Деиндустриализация постсоветских стран (за исключением Беларуси и Казахстана) как процесс снижения их промышленного, индустриального потенциала. Следует подчеркнуть, что деиндустриализация, таящая в себе прямую угрозу экономическому и политическому суверенитету, в корне противоречит современным тенденциям развития государств, демонстрирующих актуальное для нас догоняющее развитие. Масштабы деиндустриализации самой мощной страны региона – России – выглядят ещё более серьёзными, если обратиться к натуральным показателям. Следует пояснить, что разрушение промышленности периферийных стран – важный конструктивный элемент системы их неокolonизации технологически развитыми державами.

3). Ухудшение качества жизни большинства населения, что выразилось, например, в скачкообразном снижении такого всемирно признанного обобщающего показателя, как индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Известно, что СССР по данному показателю неамного уступал США. Если в 1989 году Советский Союз занимал по ИРЧП 26-е место, уступая Штатам с их 19-м местом всего 7 позиций, то за годы либерально-рыночного «оздоровления» стран бывшего СССР это отставание увеличилось в 8 раз. В 2008 году рыночно-капиталистическая Россия по ИРЧП заняла лишь 73-е место, уступив

США с их 15-м местом уже 58 позиций. Для справки – лидирующая среди стран СНГ Беларусь в 2008 году расположилась на 68 месте.

4). Деградация и депопуляция населения. Известно, что в СССР в период с 1950 по 1991 год численность населения возрастала в среднем по 2,6 млн. чел. в год, увеличившись на 111,6 млн. чел. – с 178,5 до 290,1 млн. чел. За годы дезинтегрирующих рыночных реформ людские потери восточнославянских стран (с учётом положительного сальдо миграции 4,5 млн. чел.) составили не менее 16 млн. чел. «убитыми». Если учесть наши потери «ранеными» – многие и многие миллионы наркоманов, алкоголиков, бомжей, преступников, безработных и т.п., то вполне правомерно вести речь о разразившемся в наших странах рыночном. Последний даже по оптимистичным прогнозам экспертов ООН к концу нынешнего века должен сократить население России, Украины и Беларуси почти в 2 раза.

Таким образом, сегодня во имя выживания, во имя будущего наших детей и внуков, для того чтобы переломить описанные негативные тенденции развития постсоветских стран, нам, как воздух, необходим прорывной, амбициозный, жизнеутверждающий проект, способный «зажечь» нашу угасающую восточнославянскую цивилизацию, вдохнуть надежду и жизнь в наши «надломленные» либерально-рыночными реформами народы. Этот проект под условным названием «Наш прорыв в XXI век и третье тысячелетие» может и должен стать «локомотивом» и «катализатором» интеграционных процессов в рамках Союзного государства и в регионе бывшего СССР в целом.

<...>

Базовые параметры нового, по-настоящему прорывного проекта можно определить, исходя из следующих очевидных соображений. Не секрет, что в нынешнюю технотронную эпоху место страны в иерархии технологически развитых держав всецело определяется уровнем развития её промышленного комплекса. Именно в промышленности максимальна концентрация высокотехнологичных и наукоёмких производств, поставляющих прогрессивные средства труда в прочие отрасли и сферы

жизнедеятельности. Это значит, что подлинным локомотивом инновационного развития современной экономики выступает промышленный комплекс, индустрия.

Об этом же, кстати, свидетельствует и опыт технологически развитых стран, которые сегодня, по мнению многих специалистов, вступили во вторую фазу индустриализации, именуемую неоиндустриализацией. Например, в 2004 году, несмотря на лукаво навязываемую нам концепцию постиндустриализма (экономики услуг), удельный вес производства средств производства в совокупном общественном продукте США составил почти 56%, Германии — свыше 58%, а Японии — около 60%. Как показывает непредвзятая статистика, доля материальных факторов в общем потреблении американских домашних хозяйств никогда не опускалась ниже 64%, что не позволяет вести речь о доминировании экономики услуг. Указанные факты свидетельствуют, что, вопреки лукавым попыткам направить нас по пути опережающего развития сферы услуг, сами лидеры мировой экономики развиваются исключительно благодаря реальному сектору экономики и, прежде всего, промышленности, индустрии. Иными словами, для западных стран характерен переход не к постиндустриальной, а скорее к сверхиндустриальной, основанной на масштабном внедрении элементов технологического уклада, экономике.

Таким образом, на основе сравнения общемировых тенденций экономического развития и фактов деиндустриализации постсоветских стран можно сделать вывод, что обозначенным выше прорывным инновационным и интеграционным проектом в странах Союзного государства, ЕврАзЭС и СНГ должен стать курс на их неоиндустриализацию. При этом неоиндустриализация, трактуемая в качестве второй фазы индустриализации, первый этап которой успешно пройден нашими странами в 20 — 30-е годы прошлого столетия, должна предусматривать скачкообразное наращивание количественных и качественных показателей работы отечественного промышленного комплекса на основе масштабированного внедрения техники и технологий, относящихся к технологическому укладу. Именно неоиндустриализация мо-

жет и должна стать для нас современным «полем Куликовым» — главным фактором нашего прорыва в технотронный XXI век.

Важно отметить, что обозначенная задача прорыва в технотронную эпоху третьего тысячелетия отнюдь не невыполнима. В 1925 — 1940 годах мы уже явили миру русское чудо прорыва в индустриальный XX век, после того как на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 года был официально провозглашён курс на индустриализацию СССР. В результате аграрная Россия к середине прошлого века превратилась в мощную индустриально развитую державу, которая в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945) доказала своё экономическое превосходство над хозяйственными системами Германии и всех прочих походя поработённых ею «цивилизованных» европейских стран.

Так, за годы индустриализации в СССР было введено в действие 9 тыс. крупных, оснащённых передовой техникой промышленных предприятий. Созданы новые отрасли промышленности: тракторная, автомобильная, станкостроительная, авиационная и др. К 1940 году валовая продукция промышленности СССР возросла по сравнению с 1928 годом в 6,5 раза, в том числе производство средств производства увеличилось в 10 раз. Уже в 1937 году свыше 80% всей промышленной продукции было получено с новых предприятий. В результате по объёму промышленной продукции СССР к 1937 году вышел на 1-е место в Европе и 2-е в мире.

Позднее, как результат этого индустриального прорыва, мы самыми первыми запустили в космос спутник, человека, луноход и космическую станцию, спустили на воду атомный ледокол, ввели в строй атомную электростанцию, построили синхрофазотрон... Одним словом, на равных соперничая с самими США по ряду направлений науки и техники, мы долгие годы были на самом острие научно-технического прогресса до тех пор, пока не начались рыночные, частнокапиталистические, дезинтегрирующие, разобщающие нас реформы.

Как известно, формула первой фазы индустриализации выглядела следующим образом:

Индустриализация = электрификация + механизация народного хозяйства.

Поскольку Россия, Беларусь, Украина, другие союзные республики унаследовали от СССР в основном электрифицированную и в значительной степени механизированную производственную базу, сегодня нам вполне по силам перейти к осуществлению второй фазы индустриализации — неоиндустриализации.

Содержание формулы неоиндустриализации можно представить следующим образом:

Неоиндустриализация = вертикальная интеграция производства + автоматизация народного хозяйства.

Опыт лидеров современного развития мировой экономики показывает, что они уже вступили в фазу неоиндустриализации. Так, охарактеризованный выше рост концентрации капитала и прибыли под контролем западных ТНК, реализующих полный цикл переработки сырья в готовую продукцию, позволяет вести речь о высокой степени вертикальной интеграции производства в экономиках развитых стран. Тотальная компьютеризация рабочих мест обеспечивает возможность сквозной автоматизации производственных процессов вплоть до передачи компьютерам с функциями искусственного интеллекта значительной части управленческих, контрольных и отчасти даже творческих функций.

Таким образом очевидно, что Россия, Беларусь, Украина, другие страны бывшего СССР, если они желают остаться на политической карте мира в третьем тысячелетии, должны немедленно сосредоточить усилия на разработке и реализации скоординированной межгосударственной промышленной политики. Её стержнем должна стать неоиндустриализация, а конечной целью — сохранение и повышение глобальной конкурентоспособности, выход в лидеры научно-технического прогресса и мировой экономики в целом. Наши народы во имя будущего наших детей и внуков просто обязаны вернуть себе утраченную возможность строить самые мощные электростанции, самые зоркие телескопы, самые быстрые звездолёты, самые могучие локомотивы, первыми покорять космические дали и океанические глубины, выступать оплотом мира и справедливости на планете Земля.

<...>

Очевидно, что наши традиционные мировоззренческие коллективистские идеалы входят в антагонистическое противоречие с индивидуалистскими западными «общечеловеческими» (демо/но/кратическими) ценностями, которые во главу угла ставят права, свободы и потребности индивидуума и тем самым провоцируют всеобщую конкурентную борьбу за их реализацию, то есть непрерывную рыночную «войну всех со всеми». Неслучайно ныне почивший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II (1929 — 2008) в г. Страсбурге в октябре 2007 года на сессии ПАСЕ отмечал, что «сегодня происходит губительный для европейской цивилизации разрыв взаимосвязи прав человека и нравственности. Это наблюдается в появлении нового поколения прав, противоречащих нравственности, а также в оправдании безнравственных поступков с помощью прав человека».

Нравственная экономика призвана обеспечивать соблюдение фундаментальных интересов всего народа, а не какой-либо малой его части — олигархов, криминала, бюрократического чиновничества и т.п. С экономической точки зрения, расширенное воспроизводство нации достигается за счёт максимизации инвестиций в человеческий капитал нации и принадлежащие ей активы. Это даёт возможность рассчитать конкретные коэффициенты нравственности экономической системы в виде отношений соответствующих инвестиций и создаваемой в стране валовой добавленной стоимости.

<...>

Вертикальная интеграция со всей очевидностью потребует восстановления (усиления) государственного контроля над стратегическими, инфраструктурными, рентными отраслями экономики вплоть до их частичной и полной национализации.

Как никогда, сейчас актуален решительный отказ от либерально-рыночной частнокапиталистической доктрины развития, включая повышение роли государства и как планирующего, регулирующего экономику института, и как глобального предпринимателя, о чём уже неоднократно шла речь выше. Важно помнить, что экономический либерализм не только не создаёт условий для полноценной конкуренции,

но и обеспечивает беспрецедентные конкурентные преимущества сверхкрупному долларовому капиталу. В условиях либерально-рыночной экономики могучие западные ТНК получают возможность беспрепятственно пользоваться своей силой против слабости наших предприятий для того, чтобы подчинить, захватить или уничтожить своих изначально более слабых конкурентов — отечественные предприятия.

К сожалению, абсолютизация «чудотворной силы» частной собственности вплоть до её «обожествления» — одна из наиболее важных причин многих негативных процессов в странах бывшего СССР. (...) Частнокапиталистическая, не регулируемая государством, которое объективно заинтересовано в долгосрочном развитии, либеральная экономика не может быть нравственной в том смысле, что частнику, особенно иностранному, в подавляющем большинстве случаев безразличны проблемы перспективного прогресса страны и, соответственно, расширенного воспроизводства нации. Так, в одном из своих выступлений в телепрограмме «Постскриптум» на «ТВЦ» от 20 ноября 2004 года крупный российский предприниматель П.О. Авен предельно чётко продемонстрировал морально-нравственный облик современного «эффективного собственника» словами: «Нищета в стране — не наша забота. Мы занимаемся лишь тем, что нам выгодно. Всё остальное — эмоции».

Не случайно Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев в своей статье «Россия, вперёд!» от 10 сентября 2009 года был вынужден констатировать, что «наша теперешняя (очевидно, частнокапиталистическая. — Прим. авт.) экономика... в значительной степени игнорирует потребности человека. Отечественный бизнес, за малым исключением, не изобретает, не создаёт нужные людям вещи и технологии. Торгуется тем, что сделано не им, — сырьём либо импортными товарами». Ещё более категоричен в оценках наш всемирно известный соотечественник, нобелевский лауреат, депутат ГД РФ, вице-президент РАН Ж.И. Алфёров, который в своём выступлении в Москве 3 апреля 2010 года заявил буквально следующее: «Частная собственность — это раковая опухоль,

а бизнес — её метастазы». Поэтому странам бывшего СССР ради «выздоровления» их кризисных экономик необходимо проанализировать и объективно оценить итоги приватизации, которую в народе презрительно окрестили «прихватизацией» и даже на либеральном Западе ассоциируют с «пиратизацией».

Ещё один необходимый шаг — это возврат к трудовой парадигме экономической науки и практики. Это подразумевает отказ от нынешней абсолютизации рынка (сферы обмена), от уничтожения производительного труда и возвеличивания «труда» всевозможных рыночных менял — банкира-ростовщика, торговца-спекулянта и биржевого игрока.

Важно понимать, что процесс расширенного воспроизводства реализует в себе ряд неразрывных его стадий, включая исследования и разработки, производство, обмен, распределение, потребление. Абсолютизация роли какой-либо одной из этих фаз, в данном случае «обожествление» сферы обмена (рынка), приводит к тому, что именно она оттягивает на себя «львиную долю» всех ресурсов и тем самым «обескровливает», угнетает прочие, жизненно важные стадии расширенного воспроизводства. Поэтому деиндустриализация, процессы разрушения науки и производства, снижение уровня жизни основной массы занятых в этих сферах людей, весьма роскошная жизнь немногочисленной прослойки «ударников капиталистического труда» и, как результат, вопиющая экономическая дифференциация населения — это прямые и неизбежные следствия нашего искажённого миропонимания, связанного с «обожествлением» рынка и сферы обмена в целом».

<...>

Наши народы должны и обязаны быть вместе, чтобы сообща отстоять и сделать нормой жизни наши общие, традиционные, проверенные временем духовно-нравственные ценности. Только реализовав скоординированную, взаимодополняющую научно-техническую, инновационную, промышленную, экономическую политику, наши страны могут выдержать глобальную конкуренцию, сохранить экономическую и политическую независимость в третьем тысячелетии. ■